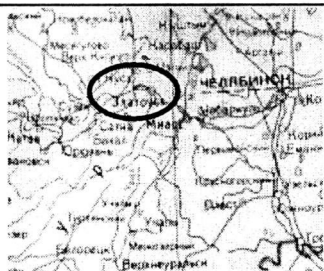

Анатолий СТАРИКОВ:

«У МАГНИТКИ ЕСТЬ ВСЕ, ЧТОБЫ И В XXI ВЕКЕ НОРМАЛЬНО ЖИТЬ И РАЗВИВАТЬСЯ»

Кто лучше всех представляет отдаленную перспективу комбината? Конечно, специалисты Совета стратегического развития ОАО «ММК» и его президент Анатолий Ильич Стариков. С его помощью и наш корреспондент Т. Трушников заглянул в сороковые-пятидесятые годы нового тысячелетия.

Сегодня — горы железорудные...

— Анатолий Ильич, не секрет, что будущее любого металлургического предприятия определяется главным образом наличием железорудной базы стратегического уровня и угля. Они-то и становятся решающими составляющими производства стали как конструкционного материала.

— Верно. Обратимся к истории ММК: была гора Магнитная с запасами в 500 млн тонн добротной магнетитовой железной руды с высоким содержанием железа. И был Кузбасс — угольная база с большими запасами углей. Они и послужили в свое время основой для строительства Магнитогорского меткомбината. Однако в результате наращивания производства металла в стране вообще и на Магнитке в частности магнитогорские запасы, которые рассчитывались на довольно продолжительный период, истощились значительно быстрее, чем предполагалось. Нельзя сказать, что это обстоятельство застало комбинат врасплох. Было время, когда вопрос поддержания надлежащего уровня производства стали на ММК решался на самом высоком государственном уровне.

— Но ведь на протяжении многих лет геологоразведка открывала новые месторождения. Разве не давался Магнитке «кусочек» рудного «пирога»?

— Говорить о железорудных базах, находящихся в центре и на севере России, не приходится. В силу своей географической удаленности они для нашего предприятия экономически не выгодны. На многие годы опорной рудной базой Магнитки стали Соколовско-Сарбайское и Качарское месторождения, где развернута инфраструктура по производству железорудного сырья: концентрата и окатышей. Такими они и останутся. Балансовых запасов казахстанских месторождений, при условии переработки до 25 млн тонн сырой руды ежегодно, может хватить как минимум еще на 30-40 лет. А вот с точки зрения развития предприятия в отдаленной перспективе даже эти мощные запасы вряд ли смогут обеспечить стабильное будущее ММК. Ведь, кроме всего прочего, необходима еще и политическая воля обеих стран к сотрудничеству. Сама жизнь заставляет уже сегодня думать о том, как все-таки в стратегическом плане найти способы обеспечения нашего предприятия железорудным сырьем.

— Многие, и главным образом неспециалисты, упорно настаивают на развитии местной железорудной базы. Что вы думаете об этом?

— Дело в том, что и прогнозные ресурсы, и тем более балансовые запасы, говорят: в близлежащих месторождениях железной руды недостаточно. Малый Куйбас, Подотвальное и другие месторождения пригодны разве что для поддержания обогащенного комплекса ММК и обеспечения его определенной технологической безопасностью — не более того.

— Начиная уже с 1992-93-го годов специалисты комбината вплотную занялись изучением проблемы железорудной базы. И какая вырисовывается картина?

— Опорной железорудной базой надо по-прежнему считать Соколовско-Сарбайское и Качарское месторождения. Комбинат будет продолжать работать по нынешней классической технологии. А вот второе направление — нетрадиционно. Его нам подсказала сама матушка-природа.

... впереди — титановые горы

— Анатолий Ильич, не буду делать вид, что не знаю, о чем идет речь. Вы говорите о месторождениях вблизи Златоуста?

— Действительно, вблизи Златоуста есть два крупных месторождения с громадными запасами — Медведское и Копанское. Уже утвержденные запасы насчитывают около миллиарда тонн высокотитанистых руд, содержащих до 30 процентов железа и до 12 — оксидов титана.

Поблизости, на севере Челябинской области, — Суроямское месторождение с низкотитанистыми рудами, которых, по прогнозам, здесь до 6 млрд тонн. В них содержание оксидов титана не превышает 2-3 процентов. Примерно на таких же рудах работает Качканарский ГОК, поставляя сырье нашим коллегам в Нижний Тагил. Впрочем, практика подсказыва-

ет, что низкотитанистые руды неэффективны в переработке: из них не получается второго экономического выгодного продукта — титанистого шлама.

— Давайте подробнее остановимся на месторождениях высокотитанистых руд.

— Переработка этих руд может быть очень выгодна для ММК и через 50, и через 100 лет. Ее эффективность, в первую очередь, заключается в получении сразу двух продуктов. Поясню: в мире существуют апробированные внедоменные технологии, результатом которых становятся ванадиевый чугун, направляемый на дальнейшую переработку в сталь, и титанистый шлак, необходимый пигментной промышленности.

— Если я правильно поняла, дальнейшие пути комбината — это классическая технология и нетрадиционная, исключающая доменный процесс?

— Добавлю: классическая технология с доменным процессом, конвертером и прокатными станами, основанная на магнетитовых рудах Казахстана. И нетрадиционная — с внедоменной переработкой сырья с использованием электропечи.

Разумеется, над этим предстоит серьезно потрудиться — на создание проекта и разработку технологии понадобятся немалые средства, но, как говорится, усилия окупятся сторицей. Преимущество комбината как раз и заключается в том, что у нас имеется готовая инфраструктура. Есть старая промплощадка, которая создавалась десятилетиями, есть воздух, электроэнергия, магистральные трубопроводы — все то, что необходимо для обеспечения производства и где можно развернуть принципиально новый завод с современнейшими технологиями для получения прибыльной продукции.

— И со временем возможен переход от металлургической классики к технологиям завтрашнего и даже послезавтрашнего дня?

— Не исключено. Но подчеркну: плавный эволюционный переход. Металлургия с ее фондоемкостью, огромным разнообразием оборудования и агрегатов не терпит скачкообразного движения.

Теперь пойдем дальше и попытаемся заглянуть лет на 50 вперед. В мире уже сегодня ученые и специалисты-практики, видя нерациональные стороны существующей структуры металлургического производства, интенсивно ищут пути ухода от них. Простой пример: чтобы получить цельный каравай, нужно зерно размолоть, растереть в муку, замесить тесто. Примерно то же самое происходит в металлургии: кусковую руду, добытую из рудника, мы разламываем до «муки», получаем концентрат. Потом из него снова делаем кусок в виде агломерата и окатышей. Тратим на это ресурсы, «гоняем» агрегаты, аглофабрики, обжиговые машины и так далее. И лишь потом проплавляем это сырье в доменной печи, другое ей не «переварить». Таким же образом пускаем под «железную» и кусковый уголь, чтобы потом на коксохимическом производстве снова спечь его в кусок.

— И как уйти от этих в общем-то непроизводительных затрат?

— Сейчас весь мир интенсивно работает над тем, чтобы, исключив целый передель, сразу получить сталь. И человечество придет к этому. Возможно, уже в середине XXI столетия выход будет найден: не придется производить окатыши, агломерат, кокс. Тогда и начнется переход от доменного процесса к другим технологиям. И к этому тоже надо готовиться уже сейчас — новшества постепенно изучать, внедрять, нарабатывать.

— И можно считать, что для комбината одним из первых шагов к будущему станет освоение новых способов переработки высокотитанистых руд?

— Сегодня в нашей стране в принципе нет практики переработки этих руд: этим не занимались, поскольку не было необходимости. Сейчас она появилась, и не только на государственном, но и на уровне отдельных предприятий. Надо выживать. А как? И каким станет будущее? Да, мы начинаем с чистого листа. Есть мировая практика — подобную переработку титанистых руд успешно освоили Канада, Южная Африка, Австралия, Норвегия, но за чужой опыт надо платить. Такая овчинка выделки стоит...

— А какие возможности дает, например, ванадиевый чугун, один из продуктов такой переработки?

— Есть специальные марки стали, в которых обязательно присутствует ванадий — естественно легирующий материал. Полученный в электропечах металл — это прежде всего качественный конструкционный материал. Но это только полвыгоды. В здании первого мартеновского цеха можно развернуть новое производство с новыми технологиями, рассчитанное на переработку двух миллионов тонн концентрата титанистых железных руд. Наши специалисты произвели очень приблизительные подсчеты, но их итог поразителен. Из 2 млн тонн такого концентрата мы получаем 1 млн 200 тонн качественной конструкционной стали и титанистый шлак, очищенный по специальным технологиям, в котором содержится 95 процентов оксидов титана. В итоге комбинат может реализовать продукции примерно на 1 млрд долларов применительно к современным ценам. Вот она, эта золотая овчинка!

— А если сравнить эти показатели с нынешними?

— Сегодня наше предприятие производит семь миллионов тонн различной продукции в среднем на 1 млрд 400 млн долларов. Но для этого нам приходится перерабатывать более 10 млн тонн железорудного сырья.

Встает и вопрос реализации. В высококачественном металле, получаемом из титано-содержащих железных руд, потребность велика. Сам металлический титан пока применяется главным образом в космонавтике и самолетостроении, поэтому рынки его сбыта ограничены. Но вот к пигменту, получаемому из титанистого шлама, у потребителя интерес особый. Сегодня титановый пигмент, используемый в качестве основы для красителей, в нашей стране не производится. А качественные характеристики таких красителей высоки — они не только дают стойкость, но и обеспечивают безупречный дизайн. Собственно, это тот самый материал, который нынче используется при евроремонте.

— Возможно, кому-то все это покажется утопией...

— Не исключаю. Но уже сегодня, прорабатывая чисто технические вопросы, наши специалисты провели исследования титанистых руд на обогатимость. Результаты хорошие: в получаемом железном концентрате содержится 60 процентов железа, и это как раз то, что требуется для металлургии. А в ильменитовом — 40 процентов оксида титана, показатель, требуемый для сегодняшней классической технологии переработки титановых руд. Стало быть, вопрос обогатимости ясен: в результате традиционного обогащения руд получаются удобоваримые, нормальные концентраты. Исследования вопроса их переработки мы посвятим остаток нынешнего и весь следующий год.

— Строя такие грандиозные планы, участники Совета стратегического развития ОАО «ММК» учитывают сложности сегодняшнего момента?

— Мы понимаем, что все озабочены выплатами пенсий, зарплаты бюджетникам... Поэтому на федеральном уровне не выделяют средств на решение стратегических вопросов развития производства. Наконец, сегодня во властных структурах вообще нет органа, всерьез занимающегося этими проблемами. Отраслевые институты находятся в плачевном состоянии, исследования там практически не проводятся. На региональном уровне тоже нет должного внимания. Все занято решением текущих проблем, словно завтрашний день не наступит. Но 15-20 лет пролетит быстро. И всем, в том числе на самых высоких уровнях, все-таки придется думать о крупных инвестициях в новые технологии и фундаментальные разработки.

— Одному нашему комбинату, наверное, пока не под силу поднять такой большой проект?

— Разумеется. Но по крайней мере достанет сил провести определенные разработки и получить ясную картину для определения стратегии. Сегодня нужны затраты на исследования — это начальный этап. А вот когда окончательное решение будет принято, инвестиции понадобятся. И очень серьезные.

Бесспорно главное: у комбината есть все перспективы и в XXI веке развиваться, потому что есть традиции, есть магнитогорский характер и присущее труженикам Магнитки добросовестное, творческое отношение к труду.

